

И. П. Б о р о д и н

К вопросу об истоках поэтической образности лирической прозы К. Паустовского

Изучению творчества К. Паустовского посвящено немало работ. Сравнительно реже, однако, появляются публикации, исследующие речевой стиль этого большого и оригинального мастера слова. Так, в частности, вопрос о связях языка К. Паустовского с общенародным, об особенностях этих связей не получил в нашей литературе должного освещения.

Известно, что каждый писатель обращается преимущественно к таким стилевым группам общенародной лексики, которые импонируют его вкусам, его идейно-эстетической позиции. Н. А. Некрасов, например, в высшей степени удачно использовал те средства и тот строй народной лексики, которые дали возможность ему, поэту революционно-демократических взглядов, глубоко сочувственно изобразить страдания и радости, безысходную нужду и духовное богатство угнетенного народа.

И. С. Тургенев в своих знаменитых «Записках охотника» отразил любовь к труду, тонкое понимание природы, самобытный художественный вкус простых людей, преимущественно крепостных крестьян. Это определило и поэтические средства, своеобразную интонацию, тонкий лиризм многих его рассказов.

К. Г. Паустовского как художника лирической палитры и в народной, и в общественной жизни больше всего интересуют те явления, в которых ярче всего сказываются чувство прекрасного, глубокая душевность, способность к эстетическому восприятию действительности человека социалистической эпохи. Не удивительно, что в общенародной сокровищнице языка писателя особо привлекают лексические средства, богатые поэтическим содержанием.

Примечательно в этой связи замечание Паустовского-исследователя о важнейшем источнике обогащения литературного языка: «...главный и неиссякаемый источник языка — язык самого народа... Я уверен, — пишет он в «Золотой розе», — что для полного овладения русским языком, для того, чтобы не терять чувство этого языка, нужно не только постоянное общение с простыми русскими людьми, но и общение с пажитями и лесами, водами...»¹. В процессе такого общения автор «открывает» слова, которые представляются ему «поэтическими», «превосходными по своей выразительности», воплотившими в себе самобыт-

¹ К. Паустовский. Собрание сочинений в шести томах, т. 2, М., ГИХЛ, 1957—1958, стр. 565, 569 (в дальнейшем цитаты из повестей К. Паустовского даются из этого издания).

ный художественный вкус создавшего их народа. В книге «Золотая роза» в специальной главе по этому поводу имеется ряд интереснейших замечаний. «Я уже упоминал о зарницах, — пишет автор. — Чаще всего зарницы бывают в июле, когда созревают хлеба. Поэтому и существует народное поверье, что зарницы «зарят хлеб»...² (курсив наш — И. Б.). И еще: «Попадают слова превосходные по своей выразительности — например, старинное слово «окоем»... На высоком берегу Оки, откуда открывается широкий горизонт, есть селцо Окоемово... Очень благозвучно слово «Стожары»... Это слово по созвучию вызывает представление о холодном небесном пожаре...»³.

Паустовский стремится не просто использовать понравившиеся ему слова и выражения, но и постичь их «первозданный» образный смысл, уяснить процесс их зарождения. В «Золотой розе», перечислив различные названия дождей (морозящие, слепые, обложные, косые и т. д.), писатель объясняет: «Чем, например, отличается «спорый» дождь от грибного? Слово «спорый» означает — быстрый, скорый. Спорый дождь льется отвесно, сильно... А мелкий грибной дождь сыплется из сизых туч... Он не звенит, а шепчет что-то свое, усыпительное, и чуть заметно возится в кустах, будто трогает мягкой лапой то один лист, то другой... О слепом дожде, идущем при солнце, в народе говорят: «Царевна плачет». Сверкающие на солнце капли дождя похожи на крупные слезы»⁴.

Описание значений слов у Паустовского тесно, неразрывно связано с их образным употреблением.

В главе «Словари» («Золотая роза») писатель делится замыслом создать специальный словарь. «Первые мои записи, — вспоминает он, — были о лесах. Первое «лесное» слово, которое меня совершенно заворожило, было «глухмань»... С тех пор оно связано в моем представлении с дремучим замшелым лесом, сырыми чашами, заваленными буреломом»⁵. В новелле «Глухомань» то же слово употреблено в пейзажной образной зарисовке: «Вокруг была действительно глухомань... Густой туман курился над болотцами... Леонтьев вдруг представил себе весь этот край... все эти дебри, заваленные буреломом и валежником, овраги, безыменные озера, пуши...»⁶.

Не вызывает сомнения, что в процитированных из разных жанровых источников примерах имеется отчетливо выраженная общность: образная, интонационная, лексическая.

В той же главе Паустовский упоминает о других «лесных словах», которые он узнал наново — «на ощупь, на вкус, на запах...»⁷. Это — «корабельная роща, осинник, мелколесье... мшары (сухие лесные болота)...»⁸. А в повести «Мещорская сторона» есть рассказ «Мшары». Это — яркая образная картина, отличающаяся удивительной пластичностью, народным колоритом:

«К востоку от Боровых озер лежат громадные мещорские болота — «мшары» или «омшары».

...Всю ночь мшары дышали запахом мокрого мха, коры, черных ко-
рряг»⁹.

Итак, опора на многовековой опыт народной речи, повышенный интерес к лексическим средствам, передающим понятия, «наполненные для нас поэтическим содержанием», — вот что отличает речевые тен-

² Там же, стр. 569.

³ Там же, стр. 586.

⁴ Там же, стр. 568.

⁵ Там же, стр. 580.

⁶ Там же, стр. 387.

⁷ Там же, стр. 566.

⁸ Там же.

⁹ К. Паустовский. Собр. соч., т. 4, стр. 202.

денции зрелых произведений К. Паустовского, и в первую очередь произведений, посвященных жизни нашей страны, изображению родной земли, русской природы. Отмеченные нами стилевые особенности находят свое выражение и в большинстве автобиографических произведений писателя. В этих книгах автор непосредственно обращается к образцам народно-поэтической лексики, дает своеобразные лирико-публицистические комментарии, разъясняющие важность такого обращения.

Говоря об отборе слов из народного словаря, нельзя, разумеется, представлять это себе таким образом, будто писатель в каждом отдельном случае выискивает какие-то особые речевые обороты, словосочетания, которые включаются как нечто искусственное в его литературный язык. Имеется в виду *органическая общность* писателя и народа, умение постигать «внутреннюю» сущность народной речи. Вот один из примеров: «Пстом, наконец, свежо и протяжно вздохнула земля. Первый гром прокатился через леса и ушел далеко на юг... Он уходил, ворча, а вслед ему возникал новый гром и катился туда же, на юг, встряхивая землю»¹⁰. В каждом таком случае нас привлекает способность автора проникаться народным мировосприятием, рисуя самое обыкновенное природное явление.

Обращение писателя к поэтическим истокам родного языка связано с лирическим характером его таланта, с его особым даром самые обыкновенные картины природы насыщать чувством нежной и грустной любви к родной земле. В небольшом отрывке герой рассказывает о своей первой встрече с северной Россией: «Я поднял суровую полотняную занавеску и увидел за окном северную Россию. Она туманно золотилась до самого горизонта березовыми рощами, пажитями, безыменными извилистыми речками»¹¹. И как завершающий мазок, сообщающий пейзажу определенную интонацию, прозвучала реплика раненого, безногого солдата, который вместе с санитаром увидел северную русскую осень и по-своему оценил увиденное: «Эх, браток ты мой милай! — сказал он нараспев. — Исходил бы я эту землю босиком... Так вот незадача. Не на чем мне больше ходить»¹².

Так Паустовский-художник, обладающий даром угадывать тончайшие душевные движения человека, с большой силой умеет выразить глубину чувства, горе и боль искалеченного солдата, сохраняя интонацию и «неизъяснимый» ритм народной речи.

«Творческие» связи писателя с общенародным языком осуществляются весьма многогранно. Так, иногда он специально акцентирует внимание на словах и словосочетаниях, заслуживающих с его точки зрения особого выделения. Вот перед нами обычный пейзаж. Описывается бурное, засушливое, пыльное лето: «После *обложных дождей* наступила засуха. Но тихие дни часто комкал жаркий ветер, заносил сухой мглой... Пыль поднималась над дорогами, бежала по ним до края земли... — *Суходольное лето*, — говорили крестьяне»¹³ (курсив наш. — И. Б.). Слова «обложные» и «суходольные», поставленные в начале и в конце краткой пейзажной зарисовки, выполняют роль своего рода обрамления, которое помогает глубже постичь народное восприятие явлений природы. Ведь для крестьян засуха или сплошные дожди — не деталь пейзажа, а факты, имеющие важное жизненное значение.

К. Паустовский не только выделяет, но и тонко комментирует слова, передающие народное восприятие природы. Так, рассказывая о морских рассветах, он удачно использует целый синонимический ряд уди-

¹⁰ К. Паустовский. Собр. соч., т. 3, стр. 287.

¹¹ Там же, стр. 348.

¹² Там же

¹³ Там же, стр. 287.

вительных по своей свежести и сочности определений. «Были рассветы теплые и ласковые... Такие рассветы рыбаки называли «ангельскими»... Но были рассветы зябкие, серые, сырые... Тогда ветер гнал красноватые мутные волны, и белесая мгла клубилась на горизонте... Были рассветы черные, штормовые, с изорванным в клочья небом, и были рассветы мутно-зеленые, швыряющие пеной в лицо»¹⁴.

Рассказ о рассветах важен и сам по себе, и еще потому, что подготавливает гочву для поэтической характеристики рыбаков, с которыми автор встретился и подружился в приазовских селах.

В тексте повестей Паустовского часто встречаются рядом образные поэтические выражения и лирико-публицистические отступления, в которых раскрывается смысл этих выражений. В одной из новелл по имени «Время больших ожиданий» одесская осень названа «лучезарной». «Я слышал, — пишет автор, — это слово в юности («лучезарные вечера» Тютчева), но долго не знал его точного смысла. Только в пожилом возрасте я узнал, что это слово обозначает спокойный, бестрепетный, всеозаряющий свет солнечных лучей и чаще всего применяется к свету вечернему или осеннему»¹⁵.

Словарно-поэтические комментарии Паустовского, разные по содержанию и форме, призваны усилить поэтическую интонацию слова, фразы. Так, в главах «Птицелов», «Речка Вертушинка» («Книга скитаний») поэзия словно бы извлекается из образных географических названий. В первой речь идет о «букете названий», связанных с Днепровско-Бугским лиманом. В «Речке Вертушинке» как бы вскрывается изнутри живая образность русского слова, процесс его рождения: «Вертушинка все время вертится, как егоза, шныряет, журчит, бормочет, звенит и пенится около каждого камня или упавшего ствола березы...»¹⁶. Здесь же автор говорит о необходимости бережно относиться к народным словам, названиям. Ведь в них проявляется «характер народа, его история, народное поэтическое оформление страны»¹⁷. Можно удивляться изобретательности писателя, когда он вновь и вновь демонстрирует красоту, благозвучие, необъяснимый явственный ритм народного языка. Паустовский сообщает о любопытном случае. Произошел он во Франции, в г. Арле, в пустом кафе. Кельнер долго и почтительно слушал разговоры русских и, наконец, заявил: «Какой-то необыкновенно красивый язык. Я такого еще никогда не слышал»¹⁸.

Разумеется, нельзя всю сумму связей языка Паустовского с литературным и общенародным языком ограничивать лишь лексическими средствами, в которых проявляется поэтическое начало.

Но, не ставя перед собою задачу подробно осветить разные речевые источники, к которым обращался художник в своем творчестве, мы старались коснуться, с нашей точки зрения, важнейшей, определяющей тенденции, проявившейся в работе писателя над языком своих произведений: у Паустовского-лирика наиболее последовательно проявляется интерес к тому функциональному стилю народного языка, к той его грани, в которых наиболее ярко отразились творческие способности русского народа, свойственное ему чувство прекрасного.

¹⁴ К. Паустовский. Собр. соч., т. 2, стр. 538.

¹⁵ К. Паустовский. Время больших ожиданий. — «Октябрь», 1959, № 5, стр. 21.

¹⁶ К. Паустовский. Книга скитаний. — «Новый мир», 1963, № 11, стр. 82.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 47.